

«Инструкция для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы» Я.И. Шмидта как памятник эпохи

М.Н. ДОДЕУС

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO356655

Статья поступила в редакцию 30.03.2023.

Аннотация: Основной целью данной статьи является введение в научный оборот полного текста «Инструкции для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы», составленной в 1829 г. на немецком языке монголоведом и тибетологом Я.И. Шмидтом для членов 11-й Российской православной духовной миссии в Пекине, и его перевода, современного подлиннику. В статье кратко освещены исторический контекст возникновения документа, роль Петербургской академии наук в его подготовке, даны археографическая справка и комментарии к тексту перевода. Для специалистов указанные документы могут представлять интерес с точки зрения объективной оценки уровня развития отдельных разделов востоковедения в России в первой четверти XIX в. и для дальнейших, в том числе компаративных, исследований.

Ключевые слова: Российская православная духовная миссия в Китае, Я.И. Шмидт, инструкция, синология, тибетология, монголистика, востоковедение.

Для цитирования: *Додеус М.Н.* «Инструкция для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы» Я.И. Шмидта как памятник эпохи // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 2 (вып. 53). С. 90–112. DOI: 10.55512/WMO356655.

Об авторе: ДОДЕУС Мария Николаевна, младший научный сотрудник СПбФ АРАН (Санкт-Петербург, Россия) (spbaran_publications@bk.ru). ORCID: 0009-0006-4080-8997.

© Додеус М.Н., 2023

«Инструкция для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы» была написана Исааком Якобом (в русской традиции — Яковом Ивановичем) Шмидтом¹ по поручению Императорской академии

¹ Шмидт Яков Иванович (Isaak Jacob Schmidt, 1779–1847) — немецкий ученый-востоковед, монголовед и тибетолог, основатель монголистики и европейской тибетологии, в 1829 г. после публи-

наук в 1829 г., и сегодня ее подлинный автограф хранится в Архиве академии среди документов Канцелярии Конференции Академии наук 1839 г.² Там же был обнаружен и перевод Инструкции, выполненный переводчиком, современником автора. На основании почерка удалось установить, что перевод сделал Карл Федорович Свенске (1797–1871), переводчик и архивариус Конференции Академии наук³.

С самого начала нельзя не отметить весьма эмоциональный характер документа. Пафос, свойственный эпохе и присутствующий в оригинале, в полной мере отображен и в переводе. Помимо уместной возвышенной тональности в инструкции также содержатся сожаление, досада, а иногда даже ученое негодование за пренебрежение той или иной стороной языковедческой науки. От современности текст перевода отделяют почти 200 лет, и благодаря этому помимо точного перевода смыслов он также воспроизводит лексические, морфологические, синтаксические и орфографические особенности эпохи.

Авторская орфография оригинала текста по большей части сохранена, как немецкого, так и русского перевода в пореформенной версии, в отдельных случаях историческая орфография и устаревшая лексика сохранены как представляющие определенный интерес: например, в словах «Туркистан», «Танг», «Юан», «манжурский», «европейцов», «поздо», «распложаются» и др. В обоих текстах присутствует большое количество прописных букв, например, в названиях языков («Китайский», «Монгольский», «Тибетский» и др.), в словах «Империя», «Династия», «Миссия», «История», «Члены», «Римская Пропаганда» и др., в этих случаях приведены современные нормы орфографии. Текст оригинала представляет собой беловой автограф, что же касается перевода, то он, вероятнее всего, выполнялся с листа и содержит достаточно много помет — все зачеркивания, исправления, вставки, имеющие смысловую нагрузку, сохранены и отмечены в самом тексте. Архивная нумерация листов приводится в квадратных скобках.

История Российской православной духовной миссии (далее — РПДМ) в Китае охватывает период с 1715 по 1956 г., в рамках этого периода деятельность РПДМ первоначально сочетала в себе как духовную и просветительскую роли, нацеленные в основном на поддержку захваченных при взятии крепости Албазин русских пленных и их потомков, так и научную и дипломатическую функции, получившие свое развитие со временем. Последние не были официальными, их исполнение часто было сопряжено с препятствиями со стороны китайских властей и необходимостью действовать тайно, внося «намеренную неясность и неполную мыслей выразительность» либо «вообще уклоняясь от случаев, могущих породить в китайцах сомнения»⁴, однако на протяжении десятилетий при отсутствии светского дипломатического представи-

кации перевода монгольской летописи Саган-Сэцэна «История восточных монголов и их генеалогии» избран в члены Санкт-Петербургской академии наук. Составитель «Грамматики монгольского языка» (1831–1832), «Монгольско-немецко-русского словаря» (1835), «Грамматики тибетского языка» (1839), тибетско-немецкого (1841) и тибетско-русского (1843) словарей.

² СПбФ АРАН. Ф. 2 (Канцелярия Конференции Академии наук). Оп. 1–1839. Д. 12 (Об отправлении с Духовной миссией в Пекин ученых: Г. Фуса, А. Бунга, О. Ковалевского и др. 1829–1833). Л. 4–23 об.

³ За указание на данный факт выражаю благодарность О.А. Кириковой.

⁴ СПбФ АРАН. Там же. Л. 37. Известно о случае, когда почт-директору Восточной Сибири поступила просьба об изъятии номера «Ведомостей» со статьей, содержащей сведения о работе 10-й миссии, чтобы он не достиг Кяхты и не был доступен китайцам в качестве компромата (Ковалевский 2006: 104).

тельства именно такой сбор сведений о положении дел в Китае служил государственным интересам Российской империи и в качестве негласного компромисса удовлетворял обе стороны (Лапин 2014: 423–435). Неагрессивный миссионерский характер деятельности РПДМ способствовал изучению китайского языка и иных областей китайской культуры — литературы, истории, философии, естественных наук. Благодаря трудам А.Л. Леонтьева (1736–1755, 3-я и 4-я миссии), арх. Иакинфа (Н.Я. Бичурина) (1807–1821, 9-я миссия) были заложены основы российской синологии.

После заключения в 1858 г. серии Тяньцзиньских и Айгунского договоров, а в 1860 г. — Пекинского договора (Пещуров 1889) и открытия российского посольства в Китае в 1861 г. объем дипломатических задач РПДМ постепенно сокращается, остаются в основном духовные, а ведомственная принадлежность к МИД — утрачивается. Какое-то время академическая деятельность духовного представительства продолжается «по инерции», и яркой точкой в его научных стараниях становится 15-я миссия (1865–1878), в первую очередь благодаря активности и опыту ее руководителя, арх. Палладия (П.И. Кафарова), который до этого принимал участие в 12-й (1840–1849) и 13-й (1850–1858) миссиях.

Таким образом, сроки существования РПДМ как института были относительно недолгими. Состав РПДМ в разные периоды, деятельность ее отдельных членов и научная ценность их трудов хорошо изучены (Скачков 1977; История 1997; Шубина 1998).

Что касается инструкций, предварявших большую часть указанных миссий, то они не являются уникальными документами и имеют аналоги в истории, часто даже копируют более ранние тексты (Бондарь 2016: 1229)⁵. Их содержание также довольно хорошо известно, однако сами документы, которые, как правило, составлялись на иностранных языках (немецкий, французский, латынь), не публиковались ранее полностью. Логичным было бы предположить, что отчеты о результатах работы, проделанной членами РПДМ, всегда представляли гораздо больший интерес, нежели инструкции, тем не менее в исторической ретроспективе именно тексты инструкций могут послужить компактным источником информации об уровне знания в той или иной области, о направлениях исследований и отдельных задачах и запросах науки, актуального на тот момент состояния дел. Наличие целого ряда инструкций, написанных с примерным шагом в 10 лет по различным научным дисциплинам, позволяет проследить эволюцию требований к широте и ценности сведений, которые каждый раз были призваны добыть члены миссии.

С момента привлечения Петербургской академии наук к участию в миссиях (т.е. начиная с 1805 г.) в качестве светского академического куратора написание такого рода сопроводительных напутствий поручалось отдельному комитету в лице наиболее авторитетного ученого мужа с последующей переадресацией более узким специалистам по областям знаний — астрономам-физикам, ботаникам, минералогам и др. (Бондарь 2016: 1229–1235). Так, при отправке 10-й миссии 1821–1830 гг. подготовкой инструкций занимались востоковед Х.Д. Френ⁶ и историк Ф.И. Круг⁷, которые, впрочем, скромно обозначают их как *einige Winke* («некоторые намеки») и *Bei-*

⁵ Например, С.С. Уваров в качестве образца для написания такого наставления видел инструкцию, данную датским правительством путешественнику Карстену Нибуру (Karsten Niebuhr, 1733–1815) перед его отправлением в Египет.

⁶ Френ Христиан Данилович (Christian Martin Joachim Frähn, 1782–1851) — востоковед-арабист, нумизмат, академик Имп. АН (1817), хранитель коллекций Азиатского Музея Имп. АН.

⁷ Круг Филипп Иванович (Johann Philipp Krug, 1764–1844) — историк, нумизмат, академик Имп. АН (1805), хранитель Эрмитажной библиотеки и милицейского кабинета.

trag zu... («прибавление к...»)⁸, подчеркивая при этом свою «недостаточную осведомленность» в вопросах китаеведения.

Я.И. Шмидт, практикующий переводчик, научный интерес которого составляли несколько восточных языков, готовит «Инструкцию для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы» для следующей миссии — 1830–1840 гг. Еще в 1828 г. он был приглашен Х.Д. Френом к разбору монгольской и тибетской коллекции в Азиатском музее. Уже через год Шмидт избран адъютантом по литературе и древностям Востока. Инструкция была написана в том же, 1829 г.⁹, когда Шмидт опубликовал свой перевод монгольской летописи Саган-Сэцэна «Эрдэнийн товч» («Драгоценная история»), назвав ее «История восточных монголов и их генеалогии»¹⁰.

Будучи специалистом именно в данной области ориенталистики, Шмидт раздвигает границы Китая и «китайского»: «...это есть как бы складочное место восточно-азиатской литературы, не только китайской, но и тибетской, монгольской, калмыцкой и маньчжурской¹¹». Он более широко обозначает первоочередные задачи миссионеров, указывая направление поиска аутентичного источника по истории Азии Средних веков и подчеркивая его исключительную важность для установления исторически объективной истины и понимания взаимоотношений России с монгольскими династиями в различные периоды. При этом осуждаются старые предрассудки, согласно которым занятия языческой литературой считались греховными.

Очевидно, что инструкции Френа и Круга были прочитаны Шмидтом, и, отдавая дань глубине и проницательности своих предшественников, он еще раз вспоминает об актуальности и ценности исследований, имеющих отношение к древней российской истории.

Не умаляя заслуг тех, кто в России и Европе занимался различными аспектами ориенталистики ранее, Шмидт элегантно обозначает масштабы неведения, утверждая, что «в ученом отношении для исследования сих стран еще остается совершить почти все» (курсив мой. — М.Д.), поскольку знания о всей Средней Азии «еще очень скудны и поверхностны».

Шмидт особо подчеркивает, что при всем соревновательном характере познания, которое призвано удовлетворить интерес и честолюбие любого пытливого исследователя, политические виды «сами по себе по причине географического положения России и близкого ее соприкосновения с большею частью важнейших восточных государств требуют точнейшего познания сих стран, обитающих в оных народов, их нравов, обычаев и религии, равно как и древней и новой истории и литературы и, в особенности, разных употребляемых ими языков».

⁸ Френ Х.Д. Некоторые замечания для Миссии, назначенной в Китай; Круг Ф.И. Прибавление к Инструкции в Китай путешествующим. — СПбФ АРАН. Ф. 2 (Канцелярия Конференции Академии наук). Оп. 1–1819. Д. 1 (Об инструкции для Миссии, отправляемой в Китай). Л. 3 об., 29.

⁹ Инструкция датирована 3 декабря 1829 г. самим автором.

¹⁰ Я.И. Шмидт ошибочно прочитал имя автора как Санан-Сэцэн. В историю науки его работа вошла под названием «*Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus; aus dem Mongolischen Übersetzt und mit dem Originaltexte, nebst Anmerkungen, Erläuterungen und Citaten aus andern unedirten Originalwerken herausgegeben*» (История Восточных монголов и их генеалогии, опубликовано Санан-Сэцэном хунтайджи из Ордоса. Перевод с оригинальным текстом, примечаниями и цитатами из других оригинальных произведений. St. Petersburg; Leipzig, 1829). На ошибочное прочтение имени автора летописи указал в 1936 г. Ц.Ж. Жамцарано в работе «Монгольские летописи XVIII в.» (Кульганек 2014).

¹¹ Здесь и далее у Шмидта устар. написание совр. слова «маньчжурский».

Instruction für die nach China Reisenden, in Beziehung auf Orientalische Sprachkunde, Geschichte und Literatur. **von Dr. I. J. Schmidt**

[Jl. 5] Bei dem allgemeinen Interesse, welches die Erforschung der wissenschaftlichen Schätze des Orients besonders in unseren Tagen erregt, und bei den raschen Fortschritten, die allerwärts fast täglich auf dieser ruhmvollen Bahn gemacht werden, muss dem Freunde des Vaterlandes Alles daran gelegt seyn, dass die Söhne desselben in diesem gemeinsamen ehrenvollen Streben aller cultivierten Völker Europa's nicht müßig zurückbleiben, sondern dass vielmehr von ihnen, denen Gelegenheit und Umstände zum Theil weit günstiger sind als den übrigen Europäern, ein Gleiches geleistet werde. Abgesehen von den Rücksichten der Politik, welche an und für sich — wegen der geographischen Lage Russlands und der nahen Berührung dieses Reichs mit den meisten bedeutenden Ländern des Orients — eine genaue Kenntniss dieser Länder, der von ihnen bewohnten Völker, der Sitten, Gebräuche und religiösen Meinungen derselben, so wie ihrer alten und neuen Geschichte und Literatur, vorzüglich aber der verschiedenen Sprachen dieser Völker dringend fordern; abgesehen davon, sage ich, sollte schon der Durst nach neuen Entdeckungen in diesem weiten und fruchtbaren Felde, das des Neuen, Nützlichen und Wissenswerthen noch so viel enthält, den lernbegierigen Russischen Jüngling entflammen und ihn antreiben, die nähere und bequemere Gelegenheit mit Eifer zu benutzen, um auch [Jl. 5 об.] auf diesem ehrenvollen Wege den Ruhm und den Glanz seines Vaterlandes zu erhöhen, und zugleich seinem eigenen Namen einen würdigen Platz neben denen der Heroen der Wissenschaften überhaupt und denen der Orientalischen Literatur insbesondere zu bereiten.

Seit länger als einem Jahrhunderte steht Russland, vermittelt seiner geistlichen Mission, in ununterbrochener Verbindung mit China und dem Sitze der Monarchen dieses Reichs; dieses hat vornehmlich unter der jetzt herrschenden Dynastie eine Ausdehnung und einen Einfluss gewonnen, welchem nur wenige ähnliche Beispiele aus frühern Zeiten, und unter diesen vorzüglich die mittlere Periode der Mongolenherrschaft, an die Seite gestellt werden können. Eine Menge der verschiedenartigsten Völker als Chinesen, Mandschu, Tibeter, Mongolen, Kalmüken, Türken und ihre besondern Stämme und Unterabtheilungen — sind theils unmittelbare Unterthanen des Chinesischen Reichs, theils stehen sie unter der despotischen Schutzherrschaft desselben. Es braucht nicht erst hervorgehoben zu werden, welches unübersehbare Feld in allen Fächern des Wissens sich hier darbietet, wenn wir mit dürren Worten zu sagen genöthigt sind, dass wir von ganz Mittel-Asien nur sehr wenig wissen, dass unsere Kenntniss dieser Länder, der sie bewohnenden Völker und alles dahin Einschlagenden bis jetzt noch höchst dürftig und oberflächlich ist, und dass in wissenschaftlichem Betrachte für die Erforschung dieser Erdregionen noch fast alles zu thun übrig bleibt.

[Jl. 6] Es lässt sich zwar nicht leugnen, dass Einzelne der frühern Mitglieder der Russischen Mission in Peking manches Schätzbare geleistet haben: wir brauchen blos an Leontief und an die neuerlichen rühmlichen Arbeiten des P. Hyakinth zu erinnern; — wie wenig aber ist diess und alles übrige, was wir den Mitgliedern dieser Mission etwa sonst noch zu verdanken haben mögen, gegen die mehr als hundertjährige Dauer der Mission und gegen die Leistungen der Französischen Jesuiten sowohl, als auch vornehmlich anderer Französischer und auch Englischer Gelehrten, die zum Theil China nie gesehen haben, aber dessen ungeachtet eine Gründlichkeit in ihren Kenntnissen der Chinesischen Geschichte und Literatur an den Tag legen, die gerechte Ansprüche auf Bewunderung und dankbare Anerkennung macht.

Die Russische Mission in Peking befindet sich so recht an der Hauptquelle, in der alles zusammenfließt, was China und grossentheils auch die Länder Mittel-Asiens Merkwürdiges und Wissenswerthes darbieten. Dasselbst ist der Standplatz der Ost-Asiatischen Literatur, nicht nur der Chinesischen, sondern auch der Tibetischen, Mongolischen, Kalmükischen und Mandschuischen; und die Kaiser der jetzigen Dynastie haben es sich stets angelegen seyn lassen, auch diese fremde Literatur auf alle Weise zu cultiviren und zu befördern, vornehmlich durch den Druck der wichtigsten Werke in den [Jl. 6 об.] genannten verschiedenen Sprachen, als auch durch die Herausgabe von trefflichen Wörterbüchern. In Peking sind seit langer Zeit alle Mittel vorhanden, nicht nur zur Erlernung der einheimischen sowohl als der Mittel-Asiatischen Sprachen, sondern auch zum vollständigen und gewissermassen wissenschaftlichen Studium und zum Eindringen in den Geist der Literatur der genannten Völker, von denen sogar ein nicht unbedeutender Theil durch Grenzbestimmungen und politische Umstände schon seit geraumer Zeit unter Russischen Scepter gekommen ist.

Was ist aber in dieser langen Zeit — einige wenige Ausnahmen abgerechnet, die indess nur das Chinesische und Mandschuische betreffen — von unserer Seite geschehen? Ist es je Jemanden eingefallen, die Tibetische Sprache zu erlernen? Hat je irgendein Mitglied der Mission sich mehr um die Mongolische Sprache bekümmert, als zum nothdürftigen Interpretendienste nöthig war? Hat je irgend ein solches Mitglied es versucht, sich mit der ausgebreiteten Mongolischen Literatur zu befassen, oder auch nur geahnt welche Schätze des Hindustanischen Alterthums und welche wichtige Ausbeute für die Mittelasiatische Geschichte in ihr verborgen liegen? Leider, nein! —

Dass doch in unseren Tagen nie wieder die, sonst oft genug vorgebrachte von purer sündiger Körper- und Geistesträgheit und Stumpfheit eingegebene schmäbliche Entschuldigung gehört werden möge: es sey Sünde, sich mit heidnischer Literatur abzugeben!

[Jl. 7] Doch wir wollen hoffen, dass die Mitglieder der Mission, deren Rückkehr jetzt bevorsteht, die lange Musse in Peking besser benutzt haben werden, als die meisten ihrer Vorgänger; vorzüglich aber, dass die Mitglieder der neuen Mission, denen diese Zeilen gelten, von Fleiss und Eifer für die Wissenschaften beseelt, und angespornt durch die Ehre der Anerkennung, die ihren verdienstlichen Anstrengungengewiss zu Theil werden wird, — die Kräfte ihres Geistes zu Leistungen schärfen werden, deren Neuheit, Wichtigkeit und allgemeiner Nutzen ihnen nicht nur eigenen wohlverdienten Ruhm erwerben wird, sondern auch den des dankbaren Vaterlandes wird erhöhen helfen.

Vor nimmehr zehn Jahren, als die nun abzulösende Mission nach Peking abgehen sollte, erhielten die Herrn Akademiker Krug und Frähn von der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften den Auftrag, in Beziehung auf ihr Fach eine Instruction für die neue Mission zu entwerfen. Der von ihnen eingereichte Instructions-Entwurf enthielt, wie man es von dem wissenschaftlichen Forschungsgeiste, der gründlichen Gelehrsamkeit und der tiefen Geschichtskennntniss dieser würdigen Männer erwarten konnte, höchst-bedeutende Winke und Anleitungen zu Untersuchungen, besonders in Beziehung auf die ältere Russische Geschichte und deren Ergänzung aus den Orientalischen Quellen; daher es sehr zu bedauern wäre, [Jl. 7 об.] wenn diese belehrenden Andeutungen unbeachtet geblieben seyn sollten.

Ogleich seit der Abfassung dieser Instructionen unsere Orientalischen Kenntnisse um ein Bedeutendes erweitert sind und einige der darin berührten Gegenstände zum Theil erledigt zu seyn scheinen, so enthalten sie des Fraglichen und zu wissen Nöthigen noch gar manches, welches alle Beachtung verdient und jetzt wieder in erneuerte Erinnerung gebracht werden soll.

Was nun die Gegenstände betrifft, mit denen sich die Mitglieder der neuen Mission zum Nutzen und zur Erweiterung der Wissenschaften hauptsächlich zu beschäftigen hätten, so lassen sich dieselbe in folgende drei Hauptrubriken theilen:

I. Naturgeschichte und Physik in allen ihren verschiedenen Zweigen.

II. Studium der Chinesischen, Mandschuischen, Tibetischen und Mongolischen Sprache und Literatur, wozu, wie bereits bemerkt, in Peking alle Mittel zu Gebote stehen; vielleicht wäre es auch möglich, den im Chinesischen Turkistan oder der sogen. Kleinen Bucharei gebräuchlichen Türkischen Dialekt in Peking zu erlernen. — Hieraus folgt

III. Studium der Länder und Völkerkunde, nicht nur des Chinesischen Reichs im engeren Sinne, sondern aller derjenigen benachbarten Länder und Gegenden, die unter der Botmäßigkeit oder dem Schutze dieses Reiches stehen; ferner der ältern und neuern politischen und religiösen Geschichte aller [Jl. 8] Hauptvölkerschaften in diesen Ländern, sowohl nach Chinesischen Quellen, als auch hauptsächlich und vorzüglich nach den eigenen Geschichtswerken und andern literarischen Geistesprodukten der Tibeter, Mongolen und Turkistaner; und endlich Sammlung und Aufzeichnung alles dessen, was von glaubwürdigen und sachkundigen Eingeborenen jener Länder in wissenschaftlicher Hinsicht überhaupt, vorzüglich aber in Beziehung auf Geschichte, Länder- und Völkerkunde Merkwürdiges und Neues zu erfragen und in Erfahrung zu bringen ist.

Naturgeschichte und Physik übergehe ich, weil darüber besondere Instructionen von denjenigen H.H. Akademikern werden ertheilt werden, in deren Fach diese Wissenschaften gehören.

Der zweite genannte Hauptgegenstand betrifft die Grundlage des dritten, und muss diesem vorangehen, indem ohne vorhergehende gründliche Sprachkenntniss jedes Quellenstudium unmöglich ist, und alle auf solchen mangelhaften Vorkenntnissen beruhenden Untersuchungen nur das Heer der aus Missverständnissen und falschen Begriffen entstandenen unnützen Hypothesen und eingebildeten historischen Data, womit wir bereits überhäuft sind und noch fast täglich heimgesucht werden, — würden vermehren helfen. — Aber auch abgesehen von der Anwendung des Sprachstudiums auf die literarischen Werke der Orientalen und deren Er[Jl. 8 об.]forschung, ist dieses Studium an und für sich schon von weitem Umfang, wenn dasselbe wissenschaftlich betrieben werden soll; aber als dann können wir auch alles dasjenige davon erwarten, was wir bis jetzt noch so schmerzlich vermissen.

In Betreff der Chinesischen Sprache sind eins die Franzosen und Engländer schon mit grossem Erfolge zuvorgekommen, und die grammatischen und lexicalischen Arbeiten Glemona's, Remusat's, Morrison's und Marshman's geben unserer, zum Dienste des Vaterlandes in Peking bestimmten, Jugend die herrlichen Beispiele und Resultate eines fruchtbaren Sprachstudiums. — Sollten aber unsere noch in thätiger Wirksamkeit sich befindenden Kenner der Chinesischen Sprache, sollten diejenigen unserer Jünglinge, die mit Fleiss und Eifer sich dem Studium dieser Sprache widmen werden, in jenen Werken der Ausländer nicht noch manches zu berichtigen und zu ergänzen finden, ja sogar mit der Zeit eine weit vollendetere Arbeit zu liefern im Stande seyn? Dahin sollten sie streben.

Dasselbe gilt von der Mandschuischen Sprache. Ist die Literatur derselben zwar neu, und liefert sie zwar wenig oder keine bedeutende Gegenstände zu geschichtlichen Untersuchungen, da diese Literatur nur als eine schwache Nachahmung der überaus reichen Chinesischen betrachtet werden kann; so ist die Sprache, als die der jetzigen Herren von China, von sehr grosser Wichtigkeit, obgleich sie [Jl. 9] in späteren Zeiten viel von dem Glanze, den ihr frühere Kaiser der jetzt regierenden Dynastie zu verschaffen suchten, soll verloren haben. Auch darin haben die Franzosen es uns längst zuvorgethan. Wir besitzen schon seit

geraumer Zeit das Amiot'sche, von Langlis herausgegebene, Wörterbuch, dessen Alphabet Mandschou, und nun auch seit Kurzem Klaproth's Mandschuische Chrestomathie. Vieles in diesen Werken ist gewiss fehler- und mangelhaft. Sollte eine bessere, gründlichere und umfassendere Arbeit nicht mit Recht von den Mitgliedern unserer Mission gehofft werden dürfen? Wir gestehen, dass ihnen zu ihren wissenschaftlichen Arbeiten im Chinesischen und Mandschuischen alle genannten Werke ihrer ausländischen Vorgänger unumgänglich nöthig sind, und dass die Mission überhaupt eine vollständige Bibliothek aller Europäischen Werke von anerkanntem Rufe, die über die Ost- und Mittelasiatische Literatur handeln, besitzen sollte; sind aber zugleich überzeugt, dass die alles Nützliche und Ge-
deihliche so gern befördernde Regierung die, in Betracht des davon für die Zukunft zu erwartenden Nutzens kleine, Ausgabe für die Anschaffung eines solchen Büchervorraths keineswegs scheuen werde.

Auch für die Tibetische Sprache ist bereits in Europa und auch von Europäern in Asien einiges geleistet. Schon in der zweiten Hälfte des siebzehnten Jahrhunderts hatte die Römische Propaganda eine Mission in Tibet, die zwar aufgehoben wer[J. 9 ob.]den musste, deren Mitglieder aber die nicht lange Zeit ihrer Wirksamkeit zum Studium der Tibetischen Sprache, obwohl ohne alle Hülfsmittel dazu, nicht unbenutzt haben verstreichen lassen. Der Augustiner V. Georgi hat sich ihrer Arbeiten zu seinem Alphabetum Tibetanum bedient, zu welcher schlechten und unkritischen Arbeit die Propaganda die Kosten des Drucks und der dazu nöthigen Tibetischen Typen herzugeben nicht gescheut hat. Erst ganz neuerlich ist in Serampore in Ostindien das von dem Englischen Missionär Schröter gesammelte Tibetische Wörterbuch in einem starken Quartbände mit neuen, obwohl nicht schönen, Tibetischen Typen in Druck erschienen.

Wenn es auch schon zu spät für uns wäre, schamroth zu werden über unser Zurückbleiben in Sachen des Wissens, die wir zwar ganz in der Nähe haben, und ohne grosse Mühe uns aneignen könnten, die wir aber, obgleich sie uns unendlich nöthiger sind als allen übrigen Europäern, bisher ohne alle Berücksichtigung gelassen haben: so ist es noch nicht zu spät das Versäumte nachzuholen; denn ungeachtet der genannten Arbeiten im Tibetischen ist die Kenntniss dieser Sprache in Europa nur um wenig gefördert. Es ist daher nicht genug zu empfehlen, dass Mitglieder unserer Mission dieser Sprache in Peking gründlich erlernen, damit sie auch im Vaterlande ein beständiger Gegenstand des Unterrichts und der wissenschaftlichen Behandlung bleibe.

In der Mongolischen Sprache allein haben die Ausländer zwar bis jetzt noch fast nichts gethan, wohl aber schon schwache Versuche gewagt, wie Rémusat in seinen Recherches sur les langues Tartares. Daran ist aber nichts Schuld, als die Unmöglich[J. 10]keit für die Engländer und Franzosen, sich unmittelbar mit den Mongolen in Verbindung zu setzen. Denn es ist so gewiss als etwas in der Welt, dass wenn die Engländer oder Franzosen in ihren Asiatischen Besitzungen die Mongolen zu Grenznachbarn hätten, oder ein directer Handelsverkehr mit ihnen möglich wäre, wir schon längst nebst Übersetzungen und Bearbeitungen Mongolischer Bücher, vollständige Lehrgebäude und Wörterbücher der Mongolischen Sprache haben würden, so wie England und Frankreich Collegia zur Erlernung derselben. Doch was haben wir gethan, die wir nicht nur die Mongolischen Völkerschaften zu Grenznachbarn, sondern einen Theil derselben sogar auf unserem Gebiete haben? — Man erlasse dem Schreiber dieser Zeilen die Antwort auf diese Frage, erlaube ihm aber die Bemerkung, die er auf Erfordern mit Beweisen belegen will, dass es zwar immer mittelmässige und schlechte Interpreten der Mongolischen Sprache in Russland gegeben hat, dass aber unter den jetzt lebenden, deren schriftliche Aufsätze ihm bekannt sind, kein

einzig ist, der einen solchen Aufsatz sprachrichtig zu verfassen im Stande wäre, ja dass in diesen Aufsätzen wenig Wörter befindlich sind, in denen sich nicht orthographische Schnitzer nachweisen liessen. Die Ursache liegt bloß daran, dass diese Leute sich wenig oder gar nicht mit der Mongolischen Literatur, sondern hauptsächlich nur mit Jargon derjenigen Mongolischen Völkerschaft, in deren Nähe sie sich befanden oder bei welcher sie angestellt waren, abgegeben haben: um Mongolische Bücher bekümmerten sie sich nicht, verstanden sie auch nicht genugsam, [Jl. 10 об.] um sich damit nützlich beschäftigen zu können. Bei denjenigen Mitgliedern unserer Mission, die sich der Mongolischen Sprache widmen werden, hoffen wir uns eines Besseren versehen zu dürfen.

Wir kommen nun auf den dritten, die Ost- und Mittelasiatische Geschichte und Literatur und deren wissenschaftliche Behandlung betreffenden, Hauptpunkt.

Es eröffnet sich hier ein ungeheures Feld, welches in allen seinen Theilen vollständig zu bearbeiten, oder auch nur zum Theil umzuarbeiten, wir den Mitgliedern unserer Mission während ihres Aufenthalts in der Hauptstadt des Chinesischen Reichs nicht zumuthen können, weil wir mehr den nichtigeren Zweck, die gründlichste Erlernung der obengenannten Sprachen, vor Augen haben, — in der Überzeugung, dass die Resultate dieser vollständigsten Sprachkenntniss alsdann für das ganze Leben derjenigen, deren Eigentum sie geworden sind, nicht ausbleiben können. — So ist z. B. die Geschichte des Chinesischen Reichs, nebst so vielem damit verbundenen, von den Jesuiten bereits in bändereichen Werken abgehandelt, daher eine ganz neue Bearbeitung dieser Geschichte fürs Erste überflüssig scheint. Statt dessen wäre von den Mitgliedern unserer Mission eine kritische Prüfung alles dessen zu wünschen, was die katholischen Missionäre und andere Sinologen über China geschrieben haben, nebst Berichtigung aller darin sich findenden Irrthümer und Übertreibungen, insofern dies nicht bereits von andern competenten Männern geschehen ist. Es versteht sich, dass alles noch Neue und für die Geschichte Brauchbare, was sich etwa in den Chinesischen Quellen noch [Jl. 11] finden dürfte, nicht übersehen werden darf; nur muss es mit Kritik gesammelt und treu übersetzt werden.

Die alte Chinesische Geschichte bis zur Dynastie Chan hat für uns wenig Werth, weil erst von dieser Dynastie an die Verhandlungen China's mit den westlichen Ländern ihren geschichtlichen Anfang nehmen, und man sich erst von da an auf historischem Boden fühlt. Von da an wird die Chinesische Geschichte erst interessant durch allerlei neue Erscheinungen, vorzüglich durch das Auftreten und Mächtigwerden der nomadischen Völker an den Grenzen des Reichs, und durch die Einführung der Buddha-Religion aus Indien. Diese beiden Punkte, vornehmlich der letzte, liegen noch sehr im Dunkel. Wir wissen zwar unter Anderem aus Chinesischen Quellen*, dass die Religion des Buddha oder Fo sich schon sehr früh im Chinesischen Turkistan oder der sogen. Kleinen Bucharei verbreitet hat, lange, ehe dieselbe in Tibet festen Fuss fasste; es ist aber alles was wir bis jetzt hierüber erfahren haben, gar zu fragmentarisch; ja man weiss nicht einmal, auf welchem Wege diese Religion nach der Kleinen Bucharei gekommen seyn mag, ohne Tibet zu berühren. Mit dem Anfang der Dynastie Thang oder dem siebenten Jahrhunderte tritt erst klares Licht in die Geschichte China's; besonders wichtig ist dieser Theil der Geschichte auch wegen der Ausdehnung des Chinesischen Einflusses weit im Westen des Reichs. Hier bietet sich schon ein weites Feld fruchtbarer Untersuchungen dar, und vielleicht

* Sieh Rimusat's *Histoire de la ville de Khotan*, — und dessen *Recherches sur les langues Tartares*.

[Jl. 11 об.] liessen sich aus dieser Zeit schon einige Aufschlüsse über Gegenstände, die Russland angehen, in den Chinesischen Jahrbüchern nachweisen. — Aber von ganz vorzüg-

lichem historischen Interesse ist dieser Zeitraum auch wegen des Aufblühens der Tibetischen Monarchie, und des plötzlichen Steigens derselben zu einer grossen und dem Chinesischen Reiche gefährlich werdenden Macht. Eben so schnell, wie die politische Bedeutsamkeit Tibets, entwickelte sich zu gleicher Zeit auch dessen intellectuelle Bildung: die Tibeter bekamen eine eigene Schrift, die Buddha-Religion wurde bei ihnen eingeführt und allgemein verbreitet, und sie traten von da an in die Reihe der gebildeten Völker, deren Geschichte ein fortdauerndes Interesse behält. — Hier eröffnet sich für diejenigen Mitglieder unserer Mission, die sich dem Studium der Tibetischen Sprache widmen werden, eine ganz neue Bahn, auf welcher noch kein Europäer ihnen voangegangen ist, eine wahre Pforte des Ruhms, — und wir müssen ihnen dringend anempfehlen, nicht nur alles treu zu übersetzen, was sich in den Originalwerken der Tibeter Geschichtliches findet, sondern auch diese Werke selbst, als wahre Kleinodien für den der sie brauchen kann, als Eigenthum sich zu verschaffen, um sie noch nach der Heimkehr ins Vaterland wissenschaftlich benutzen zu können. Das es Tibetische Original-Geschichtswerke in nicht geringer Anzahl gibt, ist ausser allem Zweifel, indem die Mongolischen Schriften, die aus ihnen geschöpft haben, ihrer an vielen Orten mit ihrem Titel erwähnen. Es darf unsere Russischen Freunde in Peking nicht verdriessen, dass sie bei solchen Un[Jl. 12]tersuchungen es zugleich mit der religiösen Literatur der Tibeter zu thun haben werden, indem politische und religiöse Geschichte bei allen Völkern, welche dem Buddhismus anhangen, niemals getrennt wird; weil nach ihrem Glauben alles, was in der Welt geschieht, nur von der Religion ausgehen darf, wenn es einigen Werth oder Nutzen haben soll. Überdiess ist die religiöse Geschichte Mittel-Asiens dergestalt in das politische Leben der dasselbe bewohnenden Völker verwebt, dass eine völlige Trennung Beider kaum möglich ist, ohne die geschichtliche Darstellung durch Einseitigkeit zu entstellen; es ist daher eine gute Kenntniss der religiösen Geschichte dieser Länder nicht zu entbehren. — Vielleicht könnte aus den Tibetischen Geschichtsbüchern auch die Frage erörtert werden, ob jemals die Religion Mahomet's nach Tibet gekommen ist? da die Mongolischen Nachrichten über Tibet der Vermutung Raum geben, dass diess der Fall gewesen seyn könne.

Mit dem Entstehen der Dynastie Juan oder der Mongolen beginnt eine neue, und zwar für uns die wichtigste Periode, nicht nur der Chinesischen Geschichte, sondern der von beihnahe ganz Asien und eines Theils von Europa; mit dieser Dynastie tritt ein Volk auf den Schauplatz der Weltbegebenheiten, welches mit reissender Schnelle nicht nur ganz China, sondern fast ganz Asien sich unterwürfig machte, und dessen Waffen auch Russland unterlag. Aber auch eine neue Literatur entstand zu gleicher Zeit: die Mongolen, die bis dahin keine eigene Schrift hatten, schufen sich eine solche, und durch das Mitwirken mehrerer der Chinesischen Kaiser aus ihrer Dynastie bildete sich eine ausgebreitete Mongolische Literatur, besonders durch die angeordnete Übersetzung einer Menge buddhaistischer Religions[Jl. 12 о6.] Schriften aus dem Sanskrit und Tibetischen. Auch die Kaiser der jetzt regierenden Mandschuischen Dynastie haben grosse Verdienste um die Ausbreitung der Mongolischen Literatur.

Betrachten wir den ungeheuern Umfang der Mongolischen Monarchie im 13ten Jahrhunderte, bedenken wir, dass der Gross-Chan in Daitu zugleich Lehnsherr der Mongolischen Fürsten war, die über Russland herrschten; so kann es kaum fehlen, dass ausser demjenigen, was wir bereits aus den Chinesischen Annalen wissen, noch vieles Neue und Merkwürdige in der Chinesischen Geschichtsliteratur verborgen seyn müsse, welches uns die wichtigsten Aufschlüsse über mehrere unklare Punkte in der vaterländischen Geschichte geben, und manche bedeutende Lücke zum Theil oder ganz ausfüllen könnte. Wenn aber

die Ausbeute neuer geschichtlichen Data aus Chinesischen Quellen auch nicht so bedeutend wäre als man hofft, so steht uns ja noch die ganze Geschichtsliteratur der Mongolen offen, um die sich noch niemand bekümmert hat. Dass es eine solche Mongolische Original-Geschichtsliteratur gibt, dafür kann das vom Schreiber dieses herausgegebene Geschichtswerk des Sanang-Setzen zum Beweise dienen, welches aber noch bei weitem nicht genügend ist, sondern vielmehr bei uns noch mehr das Verlangen nach den Quellen weckt, aus welchen jener Mongolische Fürst geschöpft hat. — Es ist bekannt, dass die Kaiser der Dynastie Juan Sorge trugen, die Geschichte und die Thaten ihrer Vorfahren in Mongolischer Sprache beschreiben und abfassen zu lassen. Zwar hat der politische Fanatismus der folgenden Dynastie diese köstlichen Denkmäler der Geschichte nach Möglichkeit zu vernichten gestrebt; es ist aber keineswegs zu erwarten, dass es dieser Vernichtungswuth damit voll[Jl. 13]ständig gelungen sey, und wir können die Hoffnung nicht aufgeben, dass sich nicht noch solche geschichtliche Urkunden aus jener Zeit sollten erhalten haben und finden lassen, wenn auch in spätern Abschriften. In ihnen finden sich vielleicht auch höchst merkwürdige Aufschlüsse über die Geschichte der westlichen Mongolischen Dynastien, namentlich über die der Dschutshiden, die ja so eng in die Russische Geschichte verflochten ist und noch so vieler Aufklärung bedarf. — Ein hohes Verdienst für die Mitglieder unserer Mission wäre es, keine Mühe zu scheuen, solche köstliche Überreste des Asiatischen Mittelalters aufzufinden. — Aber auch ausser dem findet sich zuverlässig manches für die Mongolische Geschichte höchst Interessante in der Original-Sprache aus spätern Zeiten, sowohl in Peking selbst, als auch in der Urga und andern fürstlichen Hoflagern und in den Klöstern, beträfe es auch bloß die Geschichte des Mongolischen Volkes oder die einzelnen Stämme desselben nach der Vertreibung aus China; denn dieser Theil der Mongolischen Geschichte ist noch beträchtlich dunkeler, als der frühere, weil er fast allein aus Original-Urkunden aufgehellert werden kann, die uns noch gänzlich fehlen. Alle solche literarischen Schätze müssen emsig aufgesucht, angeschafft oder wenigstens treu und vollständig abgeschrieben werden.

Für die Lehrer der Buddha-Religion, aber auch für die Geschichte derselben, ist die Mongolische Literatur ungemein reichhaltig, indem der grösste Theil der davon handelnden Tibetischen Werke ins Mongolische übersetzt ist. Die Benutzung dieses Theils der Mongolischen Literatur darf nicht versäumt werden, aus Gründen, die wir bereits oben bei Gelegenheit der Tibetischen Literatur erörtert haben.

[Jl. 13 об.] Die Geschichte der sog. Kleinen Bucharei liegt noch immer in tiefer Finsterniss, sogar derjenige Theil derselben, der zur Dynastie der Mongolischen Tschagataiden gehört. Ausser den Chinesischen Quellen, die aber auch nur dürftig zu fliessen scheinen, haben wir fast gar nichts, und die Geschichte keines Landes Mittel-Asiens hat wohl so grosse unausgefüllte Lücken, als die der Kleinen Bucharei. Sollten sich nicht einheimische dieser Geschichte vielleicht in Peking auffinden lassen, oder auch Original-Geschichtswerke durch Kaufleute und andere Einwohner der Kl. Bucharei, die nach Peking kommen, zu erhalten seyn? Diese sind vielleicht in dem Türkischen Dialekt geschrieben, der in jenen Gegenden gesprochen wird, vielleicht sogar mit Mongolischer Schrift, und würden dadurch doppelt interessant seyn. Auf jeden Fall müsste alles sorgfältig gesammelt werden, was sich in den Chinesischen Annalen, Topographien, Reiseberichten und sonstigen Werken über die Länder Mittel-Asiens überhaupt und die Kl. Bucharei insbesondere findet.

Schliesslich wäre noch die Aufmerksamkeit der Mitglieder unserer Mission auf alle Alterthümer zu lenken, die einen geschichtlichen Werth haben, und die zur Aufhellung historischer Punkte oder zur Berichtigung ganzbarer Irrthümer dienen könnten. Zu solchen

Gegenständen gehören Münzen, Inschriften auf Steinplatten, Monumenten oder auch an Felswänden, auf alten Waffen, Rüstungen, Geräthen u.s.w. ferner Siegel und Siegelabdrücke auf alten Documenten und diese Documente selbst. Alle Inschriften müssten mit der schärfsten Genauigkeit copirt werden, oder wenn sie in harte Körper eingegraben sind, lieber abgedruckt werden.

Es möchte vielleicht scheinen, als ob diese Instruction zu viel fordere und dass die Thätigkeit unserer [Л. 14] Missionsmitglieder durch dieselbe auf eine zu harte Probe gestellt werde. Wenn diese jungen Männer aber die Wichtigkeit ihres Berufes fühlen und davon durchdrungen sind, — wenn sie mit Muth, Kraft und gutem Willen begabt sind, das Vaterland durch nützliche Dienste zu ehren, — wenn Liebe zu den Studien und Anstrengung des Geistes ihnen eigen ist; — so werden sie die gemachten Forderungen keineswegs übertrieben finden, sondern ihr Möglichstes daran wenden, sie zu erfüllen, so weit es sich thun lässt. Überdiess sind zehn Jahre der Dauer der Mission eine Zeit, die mit in Anschlag gebracht ist; in der von Leuten in den besten Lebensjahren viel geleistet werden kann.

Nur derjenige ist ein wahrer Freund des Vaterlandes und dessen würdiger Sohn, der in seinem Berufe alle Kräfte zum Nutzen und Vortheil desselben aufbietet. Sein Name wird mit Achtung und Auszeichnung genannt werden, und sein Geist noch nach Generationen in seinen Werken auf Erden fortleben, wenn seine Asche längst in Frieden ruht.

I.J. Schmidt

geschrieben den 3. December 1829.

[3 декабря 1829 года]

**Инструкция для отправляемых в Китай путешественников
по части восточного языкоучения, истории и литературы
И.Я. Шмидт**

[Л. 16 об.] При всеобщем участии, возбуждаемом особенно в наше время исследованием ученых сокровищ востока, и при быстрых успехах, делаемых повсюду <зачеркнуто: на сем достославном поприще> в сей отрасли человеческих познаний, всякой истинный ревнитель просвещения в своем отечестве должен желать, чтобы сыны оно не отставали в сем общем достохвальном стремлении всех образованных народов Европы и, напротив того, более благоприятствуемые <вставка: случаем и> обстоятельствами, ревностно состязались бы с ними на сем достославном поприще. Не говоря уже о политических видах, которые сами по себе по причине географического положения России и близкого <вставка: ея> соприкосновения <зачеркнуто: сего государства> с большею частию <зачеркнуто: значитель> важнейших восточных государств, требуют точнейшего познания сих стран, обитающих в оных народов, их нравов, обычаев и религии, равно как и древней и новой истории и литературы и, в особенности, разных употребляемых ими языков, — не говоря уже об этом, самая жажда новых открытий на сем обширном и плодоносном поле, содержащем столь много нового, полезного и любопытного, должны бы воспламенить ревность российского юноши и возбудить в нем живейшее усердие воспользоваться сим ближайшим и удобнейшим случаем, чтобы на сем достославном пути возвысить блеск и славу своего отечества и в то же время уготовить и соб[Л. 16 об.]ственному своему имени почетное место наряду с именами славных мужей учености вообще и восточной литературы в особенности.

Уже более столетия Россия посредством духовной своей миссии состоит в непрерывном сношении с Китаем и самою столицею сего государства; Китайская же империя, особенно при ныне царствующей династии, так распространилась и получила такое влияние, которому, за исключением разве среднего периода монгольского владычества, мало находится примеров в прежней ее истории. Множество различных народов — китайцы, манжуры, тибетцы, монголы, калмыки, турки со всеми их особенными <зачеркнуто: поколениями> племенами и подразделениями состоят отчасти в непосредственном подданстве, отчасти под деспотическим покровительством Китайской империи. Нужно ли распространяться о том, какое здесь необозримое поле открывается во всех отраслях познания, когда мы должны откровенно сознаться, что еще весьма мало знаем о всей Средней Азии, что <зачеркнуто: познание> сведения наши о сих странах, обитающих в оных народах и всем сюда относящемся доселе еще очень скудны и поверхностны и что в ученом отношении еще остается совершить почти все для исследования сих стран.

Правда <зачеркнуто: некоторые> немногие из прежних членов российской миссии в Пекине оказали в сем отношении некоторые услуги: напоминаем только о *Леонтьеве*¹² и недавних достохвальных трудах отца *Иакинфа*¹³; — но сколь мало сие и все прочее, чем мы еще обязаны членам сей миссии, если примем в соображение, что она уже более ста лет существует и сли[л. 17]чим с тем, что совершили французские иезуиты и в особенности разные французские и английские ученые, отчасти никогда не видавшие Китая, но тем не менее показывающие в своих познаниях о китайской истории и литературе основательность, вполне заслуживающую наше удивление и <зачеркнуто: благодарное признание> благодарную признательность.

Русская миссия в Пекине находится при самом главном источнике, где сосредоточивается все, что только Китай и большая часть среднеазиатских стран представляют любопытного и достойного замечания. Это есть как бы складочное место восточноазиатской литературы, не только китайской, но и тибетской, монгольской, калмыцкой и манжурской; и императоры нынешней династии никогда не пренебрегали <вставлено, затем зачеркнуто: всячески> поощрять и сию чуждую литературу в особенности обнаруживанием¹⁴ важнейших творений на сих разных языках и изданием в свет превосходных лексиконов. В Пекине издавна собраны все способы не только к изучению туземных и среднеазиатских языков, но и к точнейшему познанию литературы помянутых народов, коих немаловажная часть даже вследствие мирных договоров и политических обстоятельств издавна состоит под российским скипетром. Но что же в течение сего длинного промежутка — <зачеркнуто: за исключением> с некоторыми исключениями, касающимися впрочем только китайского и манжурского языков, — сделано с нашей стороны? Приходило ли кому-нибудь на мысль изучиться тибетскому языку? Заботился ли кто-нибудь из членов миссии о монгольском языке, более неже сколько необходи[л. 17 об.]мо нужно в звании простого толмача? Пытался ли кто-нибудь из сих членов <зачеркнуто: заинте> ознакомиться с пространною монгольскою литературою, или знал ли он даже, какие в ней заклю-

¹² Леонтьев А.Л. (1716–1786) — русский синолог, один из основателей русского Китаеведения, участник 3-й и 4-й миссий, переводчик китайских и маньчжурских сочинений.

¹³ Иакинф О. (Бичурин Н.Я., 1777–1853) — архимандрит РПЦ, начальник 9-й миссии, востоковед, один из основоположников русского Китаеведения, составитель рукописного китайско-маньчжурско-русского словаря, переводчик, член-корр. Имп. АН (1828).

¹⁴ Устар. написание совр. слова «обнародование».

чаются сокровища индоостанской древности и обильная добыча для среднеазиатской <зачеркнуто: литературы> истории? К сожалению, нет! <зачеркнуто: да не услышим однако> Станем желать, чтобы в наши дни не слышно было старинное, внушаемое одною постыдною ленью и равнодушием оправдание, что грешно заниматься языческою литературою.

Но мы станем надеяться, что члены миссии, коей возвращения мы ныне ожидаем, лучше воспользовались долговременным¹⁵ <вставка: своим> пребыванием в Пекине, нежели большая часть из их предшественников; и что в особенности юноши, назначаемые отправиться с новою миссиею, к коим именно относятся сии строки, <зачеркнуто: воодушевленные> воодушевляемые любовью и ревностью к наукам и поощряемые лестною надеждою на признательность <зачеркнуто: которая придаст их по исполнении подвиги.; вставлено: которая без сомнений увенчает их заслуги> изоцрять силы ума своего на совершение <зачеркнуто: подвигов> важных и общепользных подвигов, коими не только сами стяжат знаменитость, но и возвысят славу своего отечества.

<Зачеркнуто: Спустя> За десять лет перед сим, когда сменяемая ныне миссия¹⁶ должна была отправиться в Пекин, г.г. академики Круг и Френ получили от Императорской академии наук поручение начертать каждый по своей части инструкцию для новой миссии. Представленный ими проект таковой инструкции содержал, как сие и можно было ожидать от проницательности, основательной учености и глубоких исторических познаний сих достойных мужей, многие весьма важные намеки и руководства для исследований, особенно в отношении к древней российской истории и пополнения оной из восточных источников; почему весьма было б [Л. 18] жаль, если бы сии поучительные замечания остались неуваженными.

Хотя со времени сочинения сей инструкции восточные наши познания значительно распространились и некоторые из приведенных в ней статей отчасти упразднились, но она еще содержит столько нерешенного и достойного замечания, что я считаю долгом снова обратить на нее внимание.

Что касается до предметов, коими должны заниматься члены новой миссии <зачеркнуто: для> преимущественно для пользы и распространения наук, то они могут быть подведены под следующие три главных отделения:

I. Естественная история и физика <зачеркнуто: во всех> со всеми их многоразличными отраслями.

II. Изучение китайского, манжурского, тибетского и монгольского языка и литературы, для которого они, как выше сказано, найдут в Пекине все средства; может быть они могли бы также научиться в Пекине употребительному в Китайском Туркестане¹⁷ или так называемой Малой Бухарии¹⁸ турецкому наречию. <Зачеркнуто: Из сего следует> На сем основано:

¹⁵ Первая российская миссия была отправлена в Пекин в 1715 г. В 1727 г. ее статус был закреплен Кяхтинским договором. По Положению 1768 г. срок миссии должен был составлять 10 лет вместо 7, определенных первоначально, однако ввиду политических и экономических причин сроки 1-й (1715–1728), 7-й (1781–1794), 8-й (1794–1807) и 9-й (1807–1821) миссий составили 13, а 5-й (1755–1771) — 16 лет.

¹⁶ Речь идет о 10-й миссии 1821–1830 гг.

¹⁷ В современной орфографии — «Туркестан».

¹⁸ К Малой Бухарии (то же, что и Кашгария, Китайский, Восточный Туркестан, Алтышар, Алтышар) относились шесть восточных городов китайской провинции Нан-Лу: Кашгар, Аксу, Уш-Турфан, Янисар, Яркенд, Хотан, которые входят в совр. Синьцзян-Уйгурский автономный район.

III. Ближайшее познание стран и народов не только Китайской Империи в тесном смысле, но и всех соседственных земель, состоящих в данничестве или под покровительством сего государства; далее древняя и новая политическая и <зачеркнуто: церковная> духовная история всех главных народов в сих странах, как по Китайским источникам, так и преимущественно их собственных исторических творений и других литературных произведений тибетцев, монголов и туркистанцев; и наконец <зачеркнуто: собра> собрание и записывание всего, что можно узнать и изведать нового и любопытного от достоверных и сведущих туземцев оных стран в ученом отношении вообще и в особенности в рассужде[Л. 18 об.]нии истории, <зачеркнуто: Геогр> землеописания и этнографии. <зачеркнуто: Естественная> Умалчиваю здесь о естественной истории и физике, ибо касательно их предметов даны будут особые инструкции теми господами академиками, к части которых относятся сии науки.

Второе вышеозначенное главное отделение составляет <зачеркнуто: главное> основание третьего и должно ему предшествовать, ибо без предварительного языкопознания невозможно заниматься изучением источников и все <вставка: исследования>, основанные на таком плохом знании, только приумножили бы сонм бесполезных предположений и ложных исторических показаний, коими мы уже без того наводнены и <вставка: которые> еще почти ежедневно распложаются¹⁹. Но и отлагая в сторону приращение языкоучения к литературным произведениям восточных народов и их <зачеркнуто: пояснению> истолкованию <зачеркнуто: сие> учение сие и само собою весьма обширно, если будет основано на твердых систематических началах, ибо тогда только и можем ожидать от оногo всего, чего у нас теперь к сожалению недостает.

Касательно китайского языка французы и англичане нас далеко опередили, и грамматические и лексикологические труды Глемоны²⁰, Ремюза²¹, Моррисона²² и Маршмэна²³ дают нашим посвящающим себя на службу отечеству в Пекине юношам превосходные образцы и результаты <зачеркнуто: плодородного> успешного языко-

¹⁹ Совр. «размножаются».

²⁰ Де Глемона Базиль (Basilio Brollo de Glemona, 1648–1704) — французский миссионер конца XVII в. в Китае, составитель рукописного латинско-китайского словаря из 7000 иероглифов «Hán-tzé-sin-yih» (1694–1699). Лишь в 1813 г. этот словарь был издан в Париже де Гинье с незначительными дополнениями, однако имя настоящего автора упомянуто не было. Позднее Абель-Ремюза и Клапрот весьма способствовали признанию авторства Глемоны.

²¹ Абель-Ремюза Жан-Пьер (Jean-Pierre Abel-Rémusat, 1788–1832) — французский синолог, один из основоположников современного европейского китаеведения, член Академии надписей и изящной словесности (1815), переводчик, вдохновитель создания Азиатского общества в Париже (1822). Труды Абель-Ремюза: *Supplément au Dictionnaire chinois-latin du P. Basile de Glemona (imprimé, en 1813, par les soins de M. de Guignes), publié par Jules Klaproth. A Paris, de l'imprimerie royale 1819; Éléments de la grammaire chinoise, ou Principes généraux du Kou-wen ou style Ancien, et du Kouan-hou, c'est-à-dire, de la langue commune généralement usitée dans l'empire chinois. Paris, 1822.*

²² Моррисон Роберт (Robert Morrison, 1782–1834) — британский синолог, основоположник британского китаеведения, член Лондонского миссионерского общества, один из первых переводчиков Библии на китайский язык (1813–1819), составитель китайской грамматики и словаря в трех частях: *A Grammar of the Chinese Language. Serampore, 1815; A Dictionary of the Chinese Language. Macau, 1815—1823. Part 1: Chinese and English Arranged according to the Radicals; Part 2: Chinese and English Arranged Alphabetically; Part 3: English and Chinese.*

²³ Маршмэн Джошуа (Joshua Marshman, 1768–1837) — член Лондонского миссионерского общества, один из первых переводчиков Библии на китайский язык (1806–1822), составитель китайской грамматики (1814): *Elements of Chinese Grammar: With a Preliminary Dissertation on the Characters and the Colloquial Medium of the Chinese; and an Appendix Containing the Ta-hyoh of Confucius, with a Translation. Serampore, 1814.*

учения. Но разве находящиеся в <зачеркнуто: нашей> России знатоки китайского языка и те из наших юношей, кои с прилежанием и рвением посвящают себя изучению сего языка, не могли бы найти в сочинениях иностранцев много кое-чего поправить и пополнить и даже со временем составить совершеннейший труд? К сей-то цели они должны стремиться.

То же самое касается и манжурского языка. Хотя литература <зачеркнуто: их; вставка карандашом: онаго> еще нова и представляет [Л. 19] мало или никаких значительных творений для исторического изыскания, <зачеркнуто: поелику> ибо их литература <вставка на полях: может быть почитаема только как; зачеркнуто: есть только> слабое подражание весьма обильной китайской словесности, но и сей язык весьма важен, <зачеркнуто: яко> как наречие нынешних повелителей Китая, хотя он в <зачеркнуто: послед> позднейшее время, как говорят, много утратил того блеска, который старались ему доставить прежние государи ныне царствующей династии. И в этом нас давно предупредили французы. Мы уже <зачеркнуто: с давнего времени> некоторое время имеем Амиотов²⁴, изданный Ланглесом, словарь, его манжурский алфавит и с недавнего времени Клапротову²⁵ манжурскую хрестоматию. Многое в сих сочинениях, конечно, ложно и недостаточно. Не вправе ли мы ожидать от членов нашей миссии лучшего, основательнейшего и полнейшего труда? Конечно, для ученых их занятий в китайском и манжурском языке необходимо нужны все вышеозначенные произведения иностранных их предшественников и миссия вообще должна бы была иметь полную библиотеку всех <вставка: знатнейших> европейских сочинений относительно к восточной и среднеазиатской литературе; но мы вполне уверены, что правительство, столь охотно споспешествующее <зачеркнуто: всему> всякому полезному и важному предприятию, <зачеркнуто: принимая в соображение> не усомнится сделать столь малую в сравнении с будущею от этого пользою издержку на приобретение таковой библиотеки.

Также для тибетского языка уже сделано некоторое начало <вставка: ориенталистами> в Европе, равно как и разными пребывающими в Азии европейцами. Уже в половине семнадцатого века римская пропаганда имела миссию в Тибете, которая, правда, была уничтожена, но члены коей умели воспользоваться кратким в тамошнем краю пребыванием для изучения тибетского языка, хотя не имели никаких к тому пособий.

[Л. 19 об.] Августинский монах Георги²⁶ воспользовался их трудами при составлении своего *Alphabetum Tibetanum*, для каковой весьма плохой и неосновательной работы <зачеркнуто: Пропганда> Пропганда не пощадила издержек печатания и потребных к тому тибетских литер. Еще недавно в Серампоре в восточной Индии издан

²⁴ Амио Жан Жозеф Мари (Jean Joseph Marie Amiot, 1718–1793) — французский миссионер-иезуит, переводчик, составитель татаро-маньчжурского словаря, изданного в Париже под редакцией Л. Ланглеса (при участии М. Бертена) с дополнениями и алфавитом в 1789 г. Грамматика, составленная Амио, не издавалась (Davín 1961: 388–389).

²⁵ Клапрот Юлиус Генрих (Julius Heinrich Klaproth, 1783–1835) — немецкий востоковед, синолог, адъютант Имп. АН (фактически с 1805 по 1812 г., формально по 1817 г.), соучредитель Азиатского общества в Париже (1822). Упоминаемая маньчжурская хрестоматия была издана на французском языке за год до написания Инструкции: *Chrestomatie Mandchou*. Paris, 1828.

²⁶ Георги Антонио Агостино (Antonio Agostino Georgi (Georgius), 1711–1797) — итальянский монах-августинец, востоковед, тибетолог, основоположник тибетологии; используя материалы, собранные миссионерами, описал тибетский алфавит: *Alphabetum Tibetanum Missionum Apostolicum com-modo editum*, 1762.

собранный английским миссионером Шретером²⁷ тибетский словарь в <зачеркнуто: четвертую> одном томе, новыми, хотя некрасивыми тибетскими литерами <зачеркнуто: Хотя для нас и поздно было бы теперь краснеть, что>. Если мы теперь и довольно поздно²⁸ примечаем, что мы отстали в делах познаний столько к нам близких <вставка на полях: и приступных, и гораздо более для нас необходимых, нежели для всех прочих европейцев>; но доселе нами пренебреженных, хотя еще не поздно наверстать упущенное: ибо несмотря на помянутые работы познание тибетского языка еще мало подвинулось в Европе. Итак нельзя довольно вперять молодым людям нашей миссии важность основательного изучения сего языка в Пекине дабы <зачеркнуто: оный> водворить его и в нашем Отечестве <вставка: и дабы он> остался <вставка: у нас> постоянным предметом преподавания и ученых занятий.

В одном лишь монгольском языке иностранцы, хотя и не сделали пока никаких значительных успехов, но уже [есть] некоторые слабые опыты, как то Ремюза в своих *Recherches sur les langues Tartares*. Но этому виною одна лишь невозможность для англичан и французов войти в непосредственные сношения с монголами. Ибо нет ничего вернее, что если бы англичане и французы в своих азиатских владениях имели <зачеркнуто: бы> монголов соседями или состояли с ними в непосредственном торговом сношении, то у нас давно были бы переводы монгольских книг, полных системы, и словари монгольского языка, как уже и существуют <зачеркнуто: во Фр> в Англии и Франции Коллегии <зачеркнуто карандашом: для обучения сих языков> [Л. 20] для изучения оных. Но что же мы сделали, мы, которые не только граничим с разными монгольскими народами, но и имеем некоторые из них в своем государстве? — да не потребуют от меня ответа на сей вопрос и да будет мне дозволено одно лишь замечание, которое я могу по востребованию подтвердить доказательствами, а именно, что хотя и <зачеркнуто: были> бывали в России плохие и посредственные толмачи по части монгольского языка, но что между <зачеркнуто: нынешними> всеми, коих письменные сочинения мне известны, нет ни одного, который был бы в состоянии правильно написать что-нибудь по-монгольски, и что даже в оных сочинениях мало таких слов, которые не содержали бы какой-нибудь ошибки правописания. Причиною сему единственно то, что сии люди мало или почти вовсе не занимались монгольскою литературою, а преимущественно <зачеркнуто: тем> только испорченным наречием того монгольского племени, в соседстве коего они жили или у которого было определены. О монгольских книгах они отнюдь не заботились, да и не разумели их в той мере, чтобы <зачеркнуто: с пользою ими заниматься> извлечь из них некоторую пользу. Надеемся, что сего не будет с теми членами нашей миссии, кои посвятят себя монгольской словесности.

<Зачеркнуто: теперь> Переходим к третьему главному отделению, касающемуся восточно- и среднеазиатской истории и литературы и ученого их обработания.

Здесь открывается обширное поле, коего совершенного или даже частного возделания нельзя требовать от членов нашей миссии во время их пребывания в столице Китайской империи, поелику мы имеем в виду важнейшую цель — основательное изучение вышеименованных [Л. 20 об.] языков, будучи уверены, что польза от тако-

²⁷ Шретер Фридрих (Friedrich Christian Gotthelf Schröter, 1786–1820) — немецкий лютеранский священник, миссионер в Индии от английской духовной миссии, тибетолог, перевел с итальянского на английский тибетский словарь капуцинов *A Dictionary of the Bhotanta or Boutan Language*, работал над тибетской грамматикой *Grammar of the Bhotanta Language*, изданной в 1826 г.

²⁸ Здесь и далее устар. написание совр. «поздно».

вого совершенного языкопознания будет чрезвычайно важна на всю жизнь тех, кои приобретут себе оное. — Притом же их, которые части сего отделения; как то история Китайской империи со всем сюда относящимся уже написана иезуитами в многотомных сочинениях, почему новое оной обработка кажется на первый раз излишним. Вместо сего желательно было бы, если бы члены нашей миссии занялись критическим <зачеркнуто: разбором> исследованием всего написанного католическими миссионерами и другими синологами о Китае и поверкою всех встречающихся у них ошибок и преувеличений, <зачеркнуто: поколику; вставка карандашом: если> сие не сделано уже другими достоверными людьми. Само собой разумеется, что все новое и годное для истории, еще находящееся в китайских источниках, не должно быть пренебрегаемо, но <зачеркнуто: только> в сем случае надлежит руководствоваться большою разборчивостью и переводить сколь можно вернее.

Древняя история Китая до династии Хан²⁹ имеет для нас мало цены, ибо с сей только династии сообщения Китая с западными странами утверждены на историческом основании. С сего лишь времени китайская история делается занимательною разными новыми явлениями и в особенности восстанием и усилением кочевых народов на пределах государства и введением буддизма из Индии. Сии два события, и <зачеркнуто: в особ> преимущественно последнее, погружены еще в глубоком мраке. Мы, правда, знаем между прочим из [Л. 21] китайских источников* <карандашом внизу страницы под * зачеркнуто: Siehe; вставка: См.: Remusat's histoire de la ville de Khotan и его же Recherches sur les langues Tartares>, что вера Будды, или Фо³⁰ уже весьма рано распространилась в китайском Туркистане или так называемой Малой Бухарии, задолго до того времени, когда она утвердилась в Тибете; но все, что мы доселе об этом <зачеркнуто: узнали> сведали, весьма несвязно; мы не знали даже, каким путем вера сия перешла в Малую Бухарию, не коснувшись Тибета.

Только с началом династии Тан³¹ или с седьмым столетием совершенно проясняется <зачеркнуто: Китайская История> бытописание Китая; сия часть <зачеркнуто: оной> истории особенно важна и по причине распространения китайского влияния и далеко на западе от сего государства. Здесь уже <зачеркнуто: рас> открывается обширное поле наблюдения, и может быть уже из сего времени можно найти в китайских летописях пояснения о предметах, касающихся России, — но наиболее важен период сей в историческом отношении по причине расцветания тибетской монархии и внезапного достижения [ею] степени могущественной и опасной Китаю державы. Столь же быстро, как политическое влияние Тибета, развилось и умственное его образование: тибетцы получили особые письмена, религия Будды между ними <вставка: повсеместно³²> распространилась и они с сего времени вступают в чреду образованных <зачеркнуто: госуд> народов, коих <зачеркнуто: История> бытописание представляет непрерывную занимательность. — Здесь открывается для тех членов нашей миссии, кои посвящают себя изучению тибетского языка, совершенно новое поприще, на котором еще не предупредил их ни один европеец, настоящее преддверие в храм славы, — и мы не [Л. 21 об.] можем довольно присоветовать

²⁹ Династия (империя) Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) — вторая китайская империя, просуществовавшая дольше остальных.

³⁰ В китайском языке иероглиф «Фо» служит для обозначения Будды. Миссионеры называли Будду «чудовищем Фо».

³¹ Династия (империя) Тан — китайская императорская династия, правившая с 618 по 907 г. с периодом междуцарствия 690–705 гг., в истории Китая считается эпохой расцвета и просвещения.

³² Совр. «повсеместно».

им не только <зачеркнуто: верно> с возможною верностью переводить все, что ни находится в подлинных сочинениях тибетцев исторического, но и приобретать сии самые творения как истинные драгоценности для того, кто умеет ими пользоваться, <зачеркнуто: чтобы; вставлено карандашом: да> употреблять их и по возвращении в отечество для ученых своих занятий. А что у тибетцев есть оригинальных исторических сочинений в немалом числе, сие не подлежит никакому сомнению, ибо монгольские <зачеркнуто: сочинения, из коих они> писатели из них почерпавшие свои сведения многократно об них упоминают и приводят заглавия оным.

Да не устроятся молодые наши друзья в Пекине, что они при сих исследованиях должны <зачеркнуто: иметь дело также дело; вставлено карандашом: также заниматься> духовною литературою тибетцев. Политическая и духовная история неразлучны у всех народов, исповедующих <зачеркнуто: Буддovu веру; ибо> религию Будды: ибо по их верованию ничто не может иметь цены или пользы, что не истекает из религии. Сверх того <зачеркнуто: рели> духовная история Средней Азии так тесно связана с политическим бытом <зачеркнуто: обита> населяющих ее народов, что <зачеркнуто: совершенное обоих разделение не может бы> невозможно отделить их одно от другого, не исказив исторического повествования односторонностью; <зачеркнуто: по сей же причине> и так точное осознание религиозной истории сих стран необходимо. Может быть из <зачеркнуто: Исторических> тибетских исторических книг можно пояснить также вопрос, переходила ли когда-либо в Тибет магометанская вера; поелику монгольские известия о Тибете дают повод к <зачеркнуто: сей> таковой догадке.

[Л. 22] С появлением династии Юан³³ или монголов начинается новый и <вставка: именно> для нас важнейший период не только китайской истории, но и <вставка: карандашом: почти> всей Азии и некоторой части Европы; с сих династий вступает на поприще всемирных происшествий народ, с стремительною быстротою покоривший себе <зачеркнуто: весь> Китай, почти всю Азию, и коего оружиею подпала самая Россия. Но в то же время возникает и новая литература: монголы, доселе не имевшие своих собственных письмен, создали себе оные, и при содействии многих китайских императоров и их династии образовалась пространная монгольская словесность в особенности переводом многих буддистических книг с санскритского и тибетского языков. Также императоры ныне царствующей Манжурской династии приобрели большие заслуги <зачеркнуто: расп по части> распространением монгольской литературы.

<Зачеркнуто: Если мы> Вспомнив <вставка: всю> огромность монгольского царства в XIII в. и приняв в соображение, что великий Хан в Даиту был в то же время <зачеркнуто: Лен> удельным властителем господствовавших в России монгольских князей, нельзя не убедиться в том, что <зачеркнуто: мы> сверх <зачеркнуто: того, что нам уже> известного нам из китайских летописей должно быть много нового и достопримечательного в китайской исторической литературе, что могло бы дать нам важные пояснения о некоторых темных местах отечественной истории и пополнить некоторые важные промежутки. Но хотя бы добыча новых исторических сведений из китайских источников не была так обильна, как мы полагаем, то нам открыта еще вся историческая ли[Л. 22 об.]тература монголов, о которой еще никто не заботился. Существованию же такой оригинальной монгольской исторической литературы служит

³³ Династия (империя) Юань (1271–1368) — государство на территории Китая, основанное после завоевания потомком Чингисхана, монгольским ханом Хубилаем.

<вставка карандашом: доказательством> изданное сочинителем сих строк историческое сочинение Сананг-Сетсена, которое, однако, отнюдь не удовлетворительно, <зачеркнуто: но> и напротив возбуждает в нас желание познакомиться с самыми источниками, из которых почерпал оный монгольский князь. — Известно, что императоры из династии Юан прилагали попечение о том, чтобы история и деяния их предков были описаны на монгольском языке. Политический фанатизм следующих династий, правда, старался всеми мерами истреблять сии драгоценные памятники истории, но нельзя думать, чтобы от сего истребления не ускользнули некоторые исторические документы того времени, хотя и в позднейших списках. В оных, может быть, найдутся весьма замечательные пояснения о истории западных монгольских династий, а именно джутшидов³⁴, коих история столь тесно связана с Российской и требует еще столько пояснения. Важную заслугу приобрели бы себе члены нашей миссии, стараясь по возможности собирать таковые драгоценные остатки истории Азии из Средних веков. Но и сверх того можно бы было без сомнения найти много весьма любопытного для монгольской истории на оригинальном языке как в самом Пекине, так и в Урге³⁵ и <вставка: при> других <зачеркнуто: царских> ханских <зачеркнуто: ордах; вставлено: дворах> и в монастырях, хотя бы сие касалось только истории монгольского народа или некоторых оного племен по изгнании из Китая; <зачеркнуто: ибо сия> часть монгольской истории <зачеркнуто: еще> гораздо <вставлено: еще; зачеркнуто: темнее> темнейшая прежней, ибо она может быть пояснена [Л. 23] только из оригинальных <вставка: совершенно у нас еще недостающих> документов. Все таковые литературные сокровища должны быть <зачеркнуто: старат> тщательно отыскиваемы, приобретаемы или по крайней мере верно и вполне списываемы.

Монгольская литература также весьма обильна в отношении к догматической части Буддовой веры и истории оной, ибо большая часть <зачеркнуто: рассужд> относящихся сюда тибетских сочинений переведена на монгольский язык. Воспользование сей частью монгольской литературы не должно быть пренебрегаемо по вышеизложенным нами по случаю тибетской литературы причинам.

История так называемой Малой Бухарии еще погружена в глубоком мраке, даже та часть оной, которая принадлежит к династии монгольских <зачеркнуто: джагатаев> джагатаидов³⁶. Сверх немногих китайских источников мы почти ничего не имеем, и, может быть, никакая страна Средней Азии не имеет столь неполной и недостаточной истории, как Малая Бухария. В Пекине, может быть, найдется случай к отысканию туземных источников по ее истории или к получению чрез купцов и других жителей Малой Бухарии оригинальных исторических сочинений³⁷? Сии, вероятно, писаны на

³⁴ Джутшиды (джучиды) — монгольская династия, ветвь чингисидов, правившая в государствах Западной Сибири, Центральной и Средней Азии после распада Золотой Орды в XIII–XVIII вв.

³⁵ Урга — в XVII–XVIII вв. кочующая резиденция монгольских правителей Богдо-гэгэнов, историческое название Улан-Батора.

³⁶ Джагатаиды (чагатаиды) — династия монгольских ханов-чингисидов, правившая в Средней Азии в XIII–XIV вв.

³⁷ Попытки проникновения европейцев на территорию Малой Бухарии жестоко пресекались вплоть до второй половины XIX в. Так, в 1857 г. в Кашгарии был казнен немецкий исследователь Центральной Азии Адольф Шлагинтвейт. Обстоятельства его гибели были установлены лишь несколько лет спустя путешественником Чоканом Валихановым: «В конце 1859 года мне удалось с кокандским караваном, в качестве кокандского купца, проникнуть в Кашгар, в котором, после зна-

<зачеркнуто: туркистанском> турецком наречии, коим говорят в оных странах, а может быть даже монгольскими письменами, <зачеркнуто: чем> от чего были бы вдвое <зачеркнуто: занимательнее> занимательны. Во всяком случае должно тщательно собирать все, что находится вообще в китайских летописях, топографиях, описаниях путешествий и других сочинениях о странах Средней Азии вообще и Малой Бухарии в особенности.

В заключение следует еще обратить внимание членов нашей миссии на все древности, имею[Л. 23 об.]щие историческое достоинство и могущие служить к пояснению исторических мест или к <зачеркнуто: поправке> проверке ложных сведений. К таковым предметам принадлежат монеты, надписи на камнях, монументах или на скалах, на древних оружиях, доспехах, утвари и пр.; далее печати на древних документах, равно как и самые документы. Все надписи должны быть описываемы с строжайшею точностью или, <зачеркнуто: если> буде они вырезаны в твердых телах, отпечатываемы.

Может быть покажется, что сия инструкция требует слишком много <вставлено: го; зачеркнуто карандашом: и что точное исполнение оной есть подвиг, превышающий силы человеческие>. Но если <зачеркнуто: сии молодые люди> члены миссии проникнуты важностью своего назначения, если они одарены мужеством, силою и твердою волею принести своему отечеству честь полезными услугами, если они питают любовь к наукам и умственным занятиям, то не почтут сих требований преувеличенными, но употребят посильные старания к исполнению оных. Сверх того здесь принять в соображение десятилетний срок миссии, время, в которое много может быть совершено людьми в <зачеркнуто: лучших летах> лучшем возрасте жизни.

Только тот истинный друг отечества и достойный оногo сын, кто в своем звании употребляет все усилия к победе и славе оногo. Имя его будет всегда произносимо с уважением и отличием, и дух его будет еще долго жить в его делах у позднего потомства, когда прах его давно изгладится с мира земного.

Литература

- Бондарь 2016 — *Бондарь Л.Д.* Российская православная духовная миссия в Китае и Академия наук в XIX в. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в. Т. 2. СПб.: Реноме, 2016. С. 1226–1266.
- Валиханов 1985 — *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 325–354.
- История 1997 — История Российской Духовной миссии в Китае. Сб. статей. М.: Изд-во Свято-Владимир. братства, 1997.
- Ковалевский 2006 — Россия-Монголия-Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского. 1830–1831 / Подгот. к изд., предисл., глоссарий, коммент., указ. Р.М. Валеев, И.В. Кульганек. Казань; Санкт-Петербург: Таглитат, 2006.
- Кульганек 2014 — *Кульганек И.В.* И.Я. Шмидт на службе российской науки // *Mongolika*–XIII. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 6–9.

менитого Марко Поло (1272) и иезуита Гоеса (1603), были только два европейца: немец, офицер ост-индской службы, неизвестный по фамилии, после которого сохранился чрезвычайно любопытный маршрут и записка о его путешествии, и ученый пруссак Адольф Шлагинтвейг. Первый из них был бит в Кашгаре бамбуками так больно, что два дня не мог садиться на лошадь, второму же отсечена голова и поставлена на башню, сооруженную из человеческих голов» (Валиханов 1985: 329).

- Лалин 2014 — *Лалин П.А.* Секретная переписка российской духовной миссии в Пекине с Россией (начало XVIII — вторая половина XIX в.): методы, принципы, содержание // *Общество и государство в Китае*. 2014. № 1. С. 423–435.
- Пешуров 1889 — *Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг.* / Изд. подгот. Д. Пешуров. СПб.: Издание Министерства иностранных дел, 1889.
- Скачков 1977 — *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977.
- Шубина 1998 — *Шубина С.А.* Русская православная миссия в Китае (XVIII — начало XX в.). Автореф. канд. дисс. Ярославль: Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 1998.
- Davin 1961 — *Davin E.* Un éminent sinologue toulonnais du XVIIIe siècle, le RP Amiot, SJ (1718–1793) // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*, 1961. P. 380–395.

References

- Bondar', Larissa D. "Rossiiskaia pravoslavnaia dukhovnaia missiia v Kitae i Akademiia nauk v XIX v." [The Russian Orthodox Mission in China and the Academy of Science in the 20th century]. In: *Aktual'noe proshloe: vzaimodeistvie i balans interesov Akademii nauk i Rossiiskogo gosudarstva v XVIII — nachale XX v.* [Actual Past: Interaction and Balance of Interests of the Academy of Sciences and the Russian State in the 13th — Early 20th Century]. Vol. 2. St. Petersburg: Renome, 2016, pp. 1226–1266 (in Russian).
- Davin Emmanuel. "Un éminent sinologue toulonnais du XVIIIe siècle, le RP Amiot, SJ (1718–1793)". *Bulletin de l'Association Guillaume Budé*, 1961, pp. 380–395 (in French).
- Istoriia Rossiiskoi Dukhovnoi missii v Kitae* [The History of the Russian Orthodox Mission in China]. Sb. statei. Moscow: Izdatel'stvo Sviato-Vladimirskego bratstva, 1997 (in Russian).
- Rossiiia-Mongoliiia-Kitai: Dnevnikii mongoloveda O.M. Kovalevskogo. 1830–1831.* Podgot. k izd., predisl., glossarii, comment., ukaz. R.M. Valeev, I.V. Kul'ganek [Russia-Mongolia-China: The Diary of Mongolist O.M. Kovalevsky. 1830–1831. Prepared for publication, prefaced, glossaries, comments, index by R.M. Valeev, I.V. Kul'ganek]. Kazan'–St. Petersburg: Taglimat, 2006 (in Russian).
- Kul'ganek, Irina V. "I.Ya. Shmidt na sluzhbe rossiiskoi nauki" [I.J. Schmidt in the Service of Russian Science]. *Mongolika*, 2014, vol. XIII, pp. 6–9 (in Russian).
- Lalin, Pavel A. "Sekretnaia perepiska rossiiskoi dukhovnoi missii v Pekine s Rossiei (nachalo XVIII — vtoraiia polovina XIX v.): metody, printsipy, sodержanie" [Secret Correspondence of the Russian Orthodox Mission in Beijing with Russia (Early 18th — 1st Half of 19th Century): Methods, Principles, Content]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], 2014, no. 1, pp. 423–435 (in Russian).
- Sbornik dogovorov Rossii s Kitaem. 1689–1881 gg.* [A Collection of Treaties between Russia and China. 1689–1881]. Ed. by D. Peshchurov. St. Petersburg: Izdanie Ministerstva Inostrannykh Del, 1889 (in Russian).
- Skachkov, Petr E. *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniia* [Outlines of the History of the Russian Sinology]. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian).
- Shubina, Svetlana A. *Russkaia pravoslavnaia missiia v Kitae (XVIII — nachalo XX v.)*. Avtoref. kand. diss. [The Russian Ecclesiastical Mission to China (18th — Early 20th Century)]. Abstract of Ph.D. Thesis. Iaroslavl': Iaroslavskii gos. un-t im. P.G. Demidova, 1998 (in Russian).
- Valikhanov, Chokhan Ch. *Sobranie sochinenii v piati tomakh* [Collected Works in 5 Volumes]. Vol. 3. Alma-Ata: Glavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 1985, pp. 325–354 (in Russian).

The Instruction for Travelers Sent to China with Respect to Oriental Linguistics, History and Literature
by I.J. Schmidt as a Document of Its Epoch

Maria N. DODEUS

St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS
St. Petersburg, Russian Federation

Received 30.03.2023.

Abstract: The main purpose of this article is to introduce into scholarly circulation the full text of the *Instruction for Travelers Sent to China with Respect to Oriental Linguistics, History and Literature*, compiled in 1829 in German by the Mongolist and Tibetologist I.J. Schmidt for the members of the 11th Russian Orthodox Ecclesiastical Mission to Beijing, and its translation, contemporary with the original. The article briefly highlights the historical context in which the document emerged, the role of the St. Petersburg Academy of Sciences in its preparation, provides archaeographic reference and comments on the text of the translation. These documents may be of interest to specialists from the viewpoint of an objective assessment of the level of development of individual areas of Oriental studies in Russia in the first quarter of the 19th century, and also may present material for further studies, including comparative ones.

Key words: Russian Orthodox Mission in China, I.J. Schmidt, instruction, Sinology, Tibetan studies, Mongolian studies, Oriental studies.

For citation: Dodeus, Maria N. “*The Instruction for Travelers Sent to China with Respect to Oriental Linguistics, History and Literature* by I.J. Schmidt as a Document of Its Epoch”. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2023, vol. 20, no. 2 (iss. 53), pp. 90–112 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO356655.

About the author: Maria N. DODEUS, Junior Researcher, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (spbaran_publications@bk.ru). ORCID: 0009-0006-4080-8997.